B110145

В. НЕКРАСОВ

Летчик гражданского флота

МОСКОВСКИЙ
БОЛЬШЕВИК
1943

ОШК

Фройт. б-ка

Майор А. Д. Калина.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
781741

ПРЕДИСЛОВИЕ

Годы мирного строительства явились для Гражданского воздушного флота прекрасной школой воспитания высококвалифицированных лётных кадров. Гражданским лётчикам приходилось прокладывать новые трассы в самые отдалённые районы Советского Союза, летать в пургу и туман, сквозь песчаные бури, над горными вершинами Кавказа и снегами Дальнего Севера.

Всё это давало кадрам гражданской авиации богатый опыт работы в любых условиях, воспитывало в них мужество, выдержку, выносливость, требовало совершенного овладения материальной частью.

В суровые дни Великой отечественной войны на лётчиков Гражданского воздушного флота легло выполнение ответственных и сложных боевых заданий.

Большую работу лётчики гражданской авиации проводят на своих транспортных самолётах, помогая нашей доблестной Красной Армии громить врага.

Смело прорываясь через линию фронта, они летают в глубокий тыл противника, снабжают партизанские отряды продовольствием, медикаментами и всем необ-

ходимым; вывозят раненых, сбрасывают агитационную литературу.

При выполнении заданий лётчики дают образцы высокого лётного мастерства, выдержки, находчивости. Летая по совершенно неосвоенным трассам, ночью, зачастую в крайне тяжёлых метеорологических условиях, они безошибочно ориентируются в воздухе, производят взлёт и посадку на необорудованных площадках.

Характер работы транспортной авиации необычайно многообразен. В тяжёлые месяцы блокады Ленинграда лётчики гражданской авиации, бесперебойно обеспечивая город продовольствием, сумели вывезти сотни специалистов ленинградской оборонной промышленности и много сложного заводского оборудования.

На фронтах Отечественной войны из среды гражданских лётчиков выросло немало отважных воинов, подлинных мастеров лётного дела.

Примером может служить лётчик Александр Данилович Калина. На фронт он пришёл рядовым пилотом. Сочетание мужества, любви к своей Родине и высокого мастерства помогло ему быстро стать одним из лучших лётчиков гражданской авиации. За безупречное выполнение ответственных заданий командования т. Калина за время Отечественной войны награждён Правительством четырьмя орденами и медалью «За отвагу». Кроме того, он сумел проявить себя как талантливый командир-организатор. В настоящее время он выдвинут заместителем командира авиачасти.

Очерк т. Некрасова, рассказывающий о боевых делах А. Д. Калины в одной авиагруппе даёт читателю возможность познакомиться с повседневной работой лётчиков Гражданского воздушного флота во время Отечественной войны.

Полковник А. ЖУРАВЛЕВ,
начальник Политуправления ГВФ.

«...Красная Армия стала организованнее и сильнее, её офицерские кадры закалились в боях, а её генералы стали опытнее, прозорливее».

Сталин.

Накануне операции

На столе командира эскадрильи лежала карта с нанесённым маршрутом: жирная красная черта извилисто проходила по ней от одного края до другого. Заготовлен был список назначенных самолётов, их экипажей...

Заместитель командира эскадрильи по лётной части капитан Калина, на которого и было возложено практическое выполнение предстоящей операции, делал последние записи у себя в блокноте. Настольная лампа освещала его совсем ещё молодое лицо с крупными чертами, высоким лбом и серьёзными карими глазами.

— Ну, как будто все вопросы ясны? — шагая по комнате, спросил подполковник Бу-

харов, широкоплечий человек, с коротко подстриженными седыми волосами, в синей гимнастёрке, с тремя боевыми орденами на груди.

— Да. Всё ясно, — повторил Калина, аккуратно складывая карту и убирая её в планшет.

Бухаров остановился. С тёплой, дружеской улыбкой посмотрел он на своего заместителя.

— Итак, Александр Данилович, желаю удачи. Скажу прямо: исход этой операции для меня будет вдвойне дорог. Само собой разумеется, тут важно будет выполнение задания и, кроме того... — подполковник сделал короткую паузу, — эта операция для вас послужит как бы экзаменом на «аттестат зрелости». Так вот...

Калина, слегка сдвинув брови, спокойно проговорил:

— Постараюсь, товарищ подполковник, оправдать ваше доверие.

Было далеко за полночь, когда Калина вместе с подполковником Бухаровым оставили штаб. Стояла тёплая весенняя ночь. В воздухе пахло берёзовым листом, молодой травой. Над аэродромом время от времени вскидывался яркий луч прожектора. Откуда-то вернулся самолёт: тёмная громада заходила на посадку, мигая бортовыми огнями.

Прислушиваясь к затихающему гулу моторов, Калина заметил:

— Меня, товарищ командир, признаться, беспокоит участок в районе Ю. Там у немцев крепко насчёт зенитных средств. Я хотел бы завтра вылететь в разведку... Разрешаете?

Бухаров метнул на лётчика короткий взгляд.

— А почему бы вам не поручить разведку Куликову?

— Я очень прошу вашего разрешения, товарищ подполковник, вылететь именно мне. Я просмотрел бы всю трассу, проверил бы, насколько пригодна будет посадочная площадка. Тогда я был бы спокоен за выполнение задания.

— Ну, если так... — Бухаров дружески положил на плечо лётчика руку, — я не возражаю. Только будьте осторожны...

И снова разговор вернулся к предстоящей операции. Задание было исключительно серьёзным и ответственным.

И вполне понятно, почему так обстоятельно, заботливо и вдумчиво готовились к этой операции руководители эскадрильи.

Около общежития пилотов Калина остановился. Подавая руку Бухарову, он тихо сказал:

— Ночка-то, товарищ командир! Вы бы-

вали когда-нибудь на Украине в это время?..— И, помолчав с минуту, продолжал: — Жили мы недалеко от Днепра. Выйдешь в сад, а сквозь листву вода, точно серебро, сияет. Наша семья была очень музыкальна. Как вечер — так самодеятельный концерт. Брат чудесно играл на бандуре. Да и голос у него был неплохой...

Калина поднялся к себе в комнату. Лампа под зелёным абажуром бросала яркий круг света на небольшой письменный стол, на котором аккуратными стопками лежали книги. Здесь были произведения любимых писателей — Чехова, Щедрина, Шолохова, Шевченко; десятки брошюр по самым различным авиационным вопросам: радиовождения, эксплоатации материальной части в зимних условиях, экономии горючего; целая папка вырезок из советских и заграничных журналов.

Война не мешала Калине упорно работать над собой, внимательно следить за новинками как специальной, так и художественной литературы. Вот и сейчас на столе его ждала недочитанная книга английского лётчика Дени о слепом полёте.

Но сегодня Александру Даниловичу не работалось. Воспоминание об Украине острой болью тронуло его сердце.

Да, что-то сейчас там, в Днепродзержин-

ске, этом уютном, родном городке? Где отец, мать, братья? Ведь ни о ком из них он не имеет никаких известий уже более года. «Если они попали в лапы фашистов, то, конечно, погибли», — подумал Калина.

Он хорошо знал своих близких и был глубоко уверен, что никто из них не склонит головы перед кровавыми поработителями родного края.

Взглянув на часы, Калина подумал: «Завтра я в это время буду в глубоком тылу противника...»

Но эта мысль не вызвала в его душе ни волнения, ни страха. Он был твёрдо уверен в себе, знал, что сделает всё, чтобы безупречно выполнить свою очередную задачу.

Пример командира

Аэродром, с которого эскадрилья должна была вести свою работу, был расположен на просторном поле, окружённом со всех сторон высоким сосновым бором. Сюда ещё днём были перегнаны самолёты, и теперь они стояли в полной готовности, тщательно замаскированные. Около них дежурили авиатехники, инженеры.

На командном пункте, в низкой землянке, собрались командиры. За простым, сколочен-

ным из досок столом, заставленным телефонными аппаратами, сидели несколько человек. Среди них выделялась плечистая фигура капитана Калины.

— ...Так вот, товарищи, — неторопливо говорил он. — Все экипажи должны быть в полной боевой готовности. Ждите моих указаний по радио.

Капитан поднялся из-за стола, перекинул через плечо планшет.

Около землянки его ждала автомашина.

Калина сел рядом с шофёром. Навстречу побежало пустынное тёмное поле. Александр Данилович, прищурив глаза, напряжённо всматривался в громоздкие лиловые тучи, стоявшие на западе. О том, что ему предстояло покрыть более трёхсот километров по неосвоенной трассе, дважды пересечь линию фронта, он думал меньше всего. Его беспокоило, какова погода на месте посадки. Прогноз синоптика был малоутешителен.

На опушке леса, широко распластав могучие крылья, стоял воздушный корабль. Погрузка самолёта была закончена.

Командира встретили трижды орденоносцы пилот Куликов и бортмеханик Перелыгин — надёжные и неразлучные друзья Калины. Десятки рейсов совершили они вместе по самым серьёзным и ответственным заданиям.

— Ну как, товарищи? — спросил Александр Данилович, выходя из автомашины.

— Всё в порядке.

— Через пять минут вылетаем...

Экипаж поднялся в самолёт.

Неистовый гул моторов разбудил строгую вечернюю тишину. Тяжело нагружённая машина поднялась в воздух.

Самолёт лёг курсом на северо-запад. Фронт с каждой минутой становился всё ближе и ближе.

Калина, как и всегда, с обычным добродушием и юмором перекидывался короткими замечаниями то с Куликовым, то с Перелыгиным. Самообладание никогда не изменяло ему, в какие бы тяжёлые и, казалось бы, безвыходные положения он ни попадал.

Серьёзным «боевым крещением» послужила для него знаменитая ленинградская операция, выполнением которой пилоты транспортной авиации вписали одну из славных страниц в историю Великой отечественной войны.

Немецкие бронированные полчища, перехватив основные коммуникации, намеревались голодной блокадой задушить мужественных защитников города Ленина. Единственно возможным путём снабжения оставался воздух. Но и здесь советским лётчикам приходилось зачастую пробиваться с боем сквозь дежурив-

шие на пути следования воздушные отряды фашистских стервятников. Полёты транспортных самолётов в одиночку или небольшими группами были сопряжены с опасностью и риском. Прикрытие же их специальными звеньями «ястребков» значительно осложняло организацию снабжения ленинградцев, для которых был дорог буквально каждый час, каждая минута.

И вот в эти тяжёлые дни Александр Калина, работая в эскадрилье рядовым лётчиком, выдвинул смелую идею: ходить в Ленинград без прикрытия, всей эскадрильей сразу, сомкнутым строем и бреющим полётом на предельно низкой высоте. Своё предложение он мотивировал тем, что большая группа транспортных самолётов в случае нападения фашистских истребителей легко сможет оказать мощное огневое сопротивление.

Первый «пробный» полёт сомкнутым строем командование авиагруппы поручило провести Калине.

Этот рейс остался глубоко в памяти Александра Даниловича. Запомнился и пасмурный осенний день, и свинцовая ширь Ладожского озера. Огромные машины шли совсем близко одна от другой, почти «крыло в крыло». Поверхность озера находилась на расстоянии каких-нибудь трёх-четырёх метров. Казалось,

вот-вот пропеллеры врежутся в гребни волн, увенчанных белыми барашками. Берега давно исчезли. Эскадрилья подходила к мысу Н., где немецкие истребители обычно встречали советские самолёты. Так было и на этот раз. В просвете между облаками мелькнули две чёрные точки. Но они почти тут же скрылись. Разведчики! Радисты передали сигнал тревоги. Стрелки насторожённо застыли на своих боевых постах. Ждать пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как наперерез курса откуда-то слева «вывалилась» шестёрка «мессершмиттов». Они стремительно пошли на сближение, но, встреченные дружным шквальным огнём, отвалили в сторону. Один истребитель, задымив, круто пошёл вниз и исчез в озере. Немецкие лётчики никак не ожидали такого отпора. Они неистовствовали, пытаясь разбить строй и отколоть хотя бы один самолёт. Они заходили в атаку то справа, то слева, то сзади, но всё было тщетно: огонь пулемётчиков останавливал их, заставлял поворачивать обратно...

Спустя некоторое время все до одной машины опустились на Ленинградском аэродроме.

Много недель подряд Калина почти ежедневно водил свою эскадрилью, доставляя ленинградцам боеприпасы, продовольствие, ме-

дикаменты, вывозя раненых, больных, эвакуируемых женщин, детей, специалистов Кировского завода. И за всё это время, несмотря на неоднократные встречи и бои с немецкими истребителями, эскадрилья не потеряла ни одного самолёта.

...Над смутно темнеющим горизонтом, будто далёкое зарево, проступила узкая светлая полоска. Голубые усы прожекторов тревожно шарили по низко нависшей туче. В кабине полумрак: Калина, подсвечивая карту карманным фонариком, всё чаще нагибался над ней, отмечая каждый пройденный пункт.

Капитан безошибочно вёл самолёт точно по курсу. Радист уже настроился на приводную радиостанцию. Светлая полоска над горизонтом становилась всё шире и шире.

— Фронт, — сказал Куликов. Суховатое лицо его с тесно сдвинутыми бровями было строго и замкнуто.

Калина ничего не ответил — едва лишь кивнул головой.

Они подходили к населённому пункту Ю. Здесь у немцев был укреплённый участок обороны.

«Удастся ли прорваться?» — подумал командир.

Над передним краем обороны противника беспрестанно поднимались осветительные ра-

кеты; в воздухе как бы беспрерывным потоком плыли огненные шары.

Ещё издалека навстречу самолёту потянулся луч прожектора, за ним — второй, третий. На окнах кабины заиграли зеленоватые блики.

— Товарищ Лобко, передайте: подходим к фронту, — бросил Калина бортрадисту.

И почти тут же заговорили десятки вражеских зениток. Затейливую вязь из трассирующих пуль плели пулемёты, длинными очередями шли в небо снаряды от скорострельных пушек. Впереди выросла сплошная стена огня...

Но для Калины всё это не было неожиданностью. «Значит, надо обходить», — решил он, резко меняя курс.

Ещё заранее, изучая карту, он наметил путь обхода пункта Ю. — над болотом, которое длинным языком врезалось в оборону противника и шло в глубь занятой им территории километров на восемьдесят.

Через несколько минут зенитный огонь стал значительно слабее. Прожекторы остались далеко позади.

Снизившись, бреющим полётом, едва не задевая за верхушки чахлых берёзок, Калина пошёл над болотом. Вслед ему с опушки леса били пулемёты, но их очереди уходили высоко в небо...

Обойдя пункт Ю., самолёт снова лёг на прежний курс. Светящаяся стрелка радиополукомпаса стала на своё место.

За линией фронта резко ухудшились метеорологические условия. Низкая облачность заставляла почти вплотную прижиматься к лесу, над которым седыми космами поднимался туман.

Калина озабоченно сдвинул брови; около губ легли глубокие складки. Он не спускал глаз с огромной грозовой тучи, медленно ползущей навстречу. Далёкие вспышки молнии освещали её взвихрённые края. На стёклах кабины уже дрожали крупные, сверкавшие, как ртуть, капли. Для него теперь уже не было никаких сомнений, что там, куда они летели, лил сильный дождь. «Дрянь дело, совсем дрянь», — думал он, покусывая губы.

Время истекало. Самолёт должен был быть уже над целью. Сквозь молочную дымку тумана едва был виден тянувшийся без конца лес. Калина ещё раз проверил расчёты. Всё выходило правильно. Цель совсем близко, быть может, в двух-трёх километрах. Обнаружить же её ночью, при такой плохой видимости, было невероятно трудно. Но Калина не допускал и мысли, что он ошибся в расчётах или сбился с курса. Нет! Таких случаев в его лётной практике никогда ещё не было,

он был глубоко уверен, что находится именно над целью. Включив бортовые сигнальные огни, он, напряжённо всматриваясь вниз, стал осторожно «прощупывать» каждый участок леса.

— Есть цель! — вдруг обрадованно воскликнул Перелыгин. — Вот, правее...

На длинной, узкой поляне ярко пылали три костра. В ответ на световой сигнал над лесом взвились две ракеты: одна красная, другая белая.

— Наши! — проговорил Калина, облегчённо вздохнув.

Развернувшись, он сделал два круга над поляной и с первого же взгляда понял, что площадка для посадки была почти непригодной — слишком узка и, видимо, болотиста. Он взглянул на Куликова. Оба они отлично понимали всю сложность и трудность обстановки. Но другого выхода не было. Подтягивая самолёт на моторах, Калина пошёл на посадку. Над самой поляной включил фары. Яркий свет вырвал из тьмы кусок кочковатого луга. Сверкнула вода. Колёса мягко врезались в зыбкую почву. Чтобы не завязнуть, он на большой скорости вырулил к месту разгрузки, к самой опушке леса.

Начальник штаба, высокий, сутулый человек с усталым и давно не бритым лицом, зябко ку-

таясь в бурку, провёл Калину и Кузнецова к себе в шалаш, сделанный из еловых ветвей. На опрокинутом ящике горел закопченный фонарь. На земле спали люди; из-под бурок торчали сапоги, поблескивали шпоры. За шалашом, побрякивая уздечками, смачно хрустели травой кони.

Калина подробно и обстоятельно сообщил начальнику штаба о том, как будет работать эскадрилья, какие грузы она перебросит им.

— Хорошо, очень хорошо! — затягиваясь папиросой, говорил начальник штаба. — Мы уже под Б. дерёмся. — В тёмных глазах его вспыхнули огоньки. — Немцы нас никак не ожидали. Громим их коммуникации во-всю. Дело теперь за вами, товарищи лётчики. Только за вами.

— Ну, мы уж вас не подведём, — заверил его лётчик.

Через полтора часа Калина подходил к своему аэродрому; на борту его самолёта находилось около тридцати раненых бойцов и командиров.

— Не менее двух рейсов в ночь! — таково было обязательство пилотов.

И от командира требовалась исключительно чёткая и продуманная организация работы всей эскадрильи. Весенняя ночь коротка и не-

заметна! Каждая минута времени в ней приобретала необычайную ценность и весомость.

...Вот только что ушёл в очередной рейс в тыл к врагу последний самолёт. Аэродром опустел и затих. Даже как-то странно на нём после недавней суеты и спешки. Вся эскадрилья в воздухе. Наступают минуты напряжённого и томительного ожидания. На командном пункте собираются начальники служб, пехотные командиры, инженеры. Они разговаривают полушопотом. Лица у всех строгие, озабоченные — каждого волнует вопрос: «Как-то там ребята? Всё ли у них благополучно?»

Калина, в распахнутой кожанке и низко надвинутой на лоб пилотке, берётся за телефонную трубку. В землянке наступает тишина.

— Алло! Ну, что нового в воздухе? — спрашивает он радиостанцию. — Где двадцать первый?

— Только что получена радиограмма. Благополучно миновал фронт, — ответил радист.

— А тридцать девятый?

— Подходит к цели.

— Хорошо. А где восемнадцатый?

— Уже над своей территорией. Прошёл С.

Калина кладёт трубку.

— Товарищи, подходит самолёт, — говорит он. — Приготовиться!

И снова оживает аэродром. К месту посадки самолёта под'езжают бензозаправщик, автомашины с грузом, два санитарных автобуса. Калина и командиры покидают командный пункт. Они спешат встретить прибывающий экипаж.

Минут через десять где-то в вышине рождается бассватый нарастающий гул. Самолёт подходит к аэродрому, разворачивается. Среди звёздной россыпи отчётливо выступают плывущие разноцветные огоньки. На лётном поле зажигается «Т».

Пока идёт выгрузка раненых, заправка, погрузка, Калина подробно расспрашивает пилотов о полёте, делает на карте отметки вновь замеченных огневых точек противника, даёт различные указания.

Но не проходит десяти — пятнадцати минут, как самолёт уже снова в воздухе.

Чётко и слаженно работала эскадрилья. Своё слово пилоты держали крепко: все до одного самолёты успевали за короткую весеннюю ночь делать по два рейса, покрывая при этом до 1 200 километров пути.

На седьмые сутки капитан Калина со своей эскадрильей вернулся к себе на базу. На аэродроме они были встречены подполковни-

ком Бухаровым, работниками политотдела штаба авиачасти.

— Задание выполнено, товарищ командир,— отрапортовал Калина. — Эскадрилья ни в материальной части, ни в людях потерь не имеет.

Бухаров крепко обнял пилота и с отцовской теплотой и нежностью расцеловал его.

— Спасибо, Александр Данилович! Большое тебе спасибо, — не без волнения проговорил он. — Молодец! Горжусь. — И, подавая ему четвертушку бумаги, добавил: — На, читай. Это про твою работу: радиограмма от командира Н-ской части.

И Калина прочёл:

«Выполнением задания обязан лётчикам вашей эскадрильи».

Комсомольская закалка

Александр Калина мечтал быть художником. Он страстно любил природу: мог часами сидеть на берегу Днепра, бродить по лесам, полям. Неразлучным его спутником был всегда фанерный ящичек, запачканный красками. Украинский пейзаж пленял его своей мягкостью. И в своём воображении он уже создавал большие полотна, на которых мечтал отобразить всё то, что так близко и дорого было его сердцу.

И, возможно, из него вышел бы неплохой

художник, если бы не случайность, которая помешала ему осуществить своё призвание. Он опоздал подать заявление и документы в школу живописи.

Домой он вернулся расстроенным и удручённым.

— Ничего, Сашок! — утешал его отец. — Ведь художником можно быть в любой отрасли. Для этого надо лишь любить своё дело...

И слова отца оказались «пророческими»...

Чтобы не пропадало время, Калина стал учиться в ФЗУ завода имени Дзержинского. Этот год в его жизни был знаменателен ещё и тем, что он вступил в ряды Ленинского комсомола.

Кипучая заводская жизнь пришлась ему по душе. Он выбрал себе специальность кузнеца-универсала и в этой, казалось бы, прозаической и нелёгкой профессии нашёл немало интересного. Он видел, как раскалённый добела, брызжущий искрами металл в сноровистых руках кузнецов мгновенно и послушно превращался в самые разнообразные детали. Нравилась ему и сама работа в дымном, высоком цехе, особенно ночью, когда сквозь стеклянную шатровую крышу просвечивали крупные звёзды. Пылают горны, бросая трепетные отблески на чёрные стены, тяжело ухают паро-

вые молоты, мелькают фигуры кузнецов. Всюду огонь, фонтаны золотых искр, грохот...

Захватила его и общественно-комсомольская работа. К концу года он был секретарём комсомольской организации ФЗУ, в которой насчитывалось до 1 800 человек.

Дальнейший жизненный путь свой Калина уже не мыслил вне стен завода. Проработав три с половиной года кузнецом, он поступил в Металлургический институт, на доменный факультет. Шумный цех он сменил на тихие аудитории, на уютную институтскую читальню, на сиявшие чистотой лаборатории.

Учиться в институте Калине пришлось совсем немного. Однажды он был срочно, прямо с лекции, вызван в городской комитет комсомола.

— Ну, товарищ Калина, — сказал секретарь, — с институтом тебе придётся распроститься. Поедешь в лётно-техническую школу.

— В лётную школу? — удивлённо протянул тот, не скрывая своего глубокого изумления. — Но я никогда и не думал об авиации. Я хотел быть инженером-доменщиком...

— Стране нужны не только инженеры, но и хорошие, преданные лётчики. Имей в виду: в школу посылаем только самых лучших комсомольцев.

Раз так, то какие же могли быть колеба-

ния, возражения? Он всегда чётко и аккуратно выполнял все задания, которые поручала ему комсомольская организация.

Спустя несколько дней скорый поезд уже мчал Калину в город Н.

Первое время Калине нелегко было привыкать к новой обстановке, к строгой военной дисциплине. Частенько вспоминались товарищи, студенческая жизнь, завод, родной город. Но это не мешало ему все свои силы, все способности отдавать учёбе. Он начал серьёзно готовить себя к будущей ответственной и почётной специальности. И уже через несколько месяцев Калина занял одно из первых мест среди лучших курсантов. О том, как он учился, как он выполнял наказ пославшей его в школу комсомольской организации, лучше всего говорит тот факт, что трёхлетний курс нормальной школы он сумел успешно закончить в течение одного года.

Получив в 1931 году звание младшего авиатехника, он начал свою работу в тяжёлой эскадрилье Московского научно-исследовательского института. Выполняя обязанности бортмеханика, он постоянно принимал участие в полётах по испытанию самых усовершенствованных аэронавигационных приборов. Он почти повседневно сталкивался и общался с

лучшими в стране авиаконструкторами, лётчиками. Эта многообразная, увлекательная работа пробудила в нём горячее желание самому стать лётчиком, научиться водить в воздухе огромные воздушные корабли. Одна специальность бортмеханика уже мало удовлетворяла его. Он хотел летать! И он добился этого. Проработав четыре года бортмехаником, он блестяще сдал экстерном экзамены и в 1937 году получил звание пилота Гражданского воздушного флота.

Калина глубоко полюбил свою новую специальность. Она увлекала его сложностью, новизной, богатством впечатлений. Он следил за литературой, упорно и много работал над собой, над расширением своего культурного и технического кругозора. Он одним из первых пилотов в совершенстве освоил очень трудное и сложное мастерство радиовождения самолёта в любых условиях. Уже на второй год работы Калины в Московском управлении Гражданского воздушного флота ему стали поручать специальные правительственные задания. Во время конфликта в районе озера Халхин-Гол он был послан для обслуживания частей Красной Армии, затем его перебросили в Финляндию, а по окончании войны он почти целый год работал по освоению новых воздушных трасс.

Высокое мастерство

Пассажирский самолёт подходил к Астрахани. За штурвалом самолёта сидел пилот-комсомолец Александр Калина. Заходя на посадку, он с удовлетворением подумал, что ему осталось сделать всего лишь один рейс, а там — двухмесячный отпуск, поездка на юг, путешествие по Кавказу...

Мастерски посаженный самолёт, пробежав по взлётной дорожке, остановился перед зданием аэровокзала.

— Прилетели, товарищи! — появляясь в дверях кабины, весело сказал Александр Данилович пассажирам — труппе московских артистов.

Администратор, тщательно выбритый, в высоком, туго накрахмаленном воротничке, благодаря пилотов, стал настойчиво приглашать их притти завтра в театр на открытие сезона.

— Если не улетим, — ваши гости, — сказал Калина.

Спускаясь с самолёта, он невольно обратил внимание на большую группу, стоявшую около ангара. Кто-то в белом кителе, широко размахивая руками, с жаром говорил с открытой автомашины. Около аэровокзала было непривычно пусто и безлюдно, даже носильщики

не встречали прилетевших пассажиров. Чувство тревоги неприятным холодком охватило Калину.

— Случилось что-нибудь? — спросил он стартёра.

— А вы разве не знаете? — удивился тот. — Война! Сегодня немецкие войска перешли нашу границу.

...Через несколько дней Калина уже вылетел на фронт с первым заданием.

Лететь пришлось ночью. И как страшна, как незабываемо страшна была эта первая ночь!

Над линией фронта полыхали огромные зарева, освещая тёмное небо багряным отсветом. На подступах к городу М. шёл бой. Неумолчно гремела артиллерийская канонада. Рвались снаряды. Весь центр города был в огне. Особенно жарко горело многоэтажное фабричное здание; языки пламени высоко поднимались в небо. Шоссе, проходившее через город, было забито повозками, автомашинами, пешеходами — тысячи людей спешили уйти в глубь страны от смерти, разрушений, ужасов, которые несли с собой обезумевшие от крови дикие фашистские орды.

С того дня для Александра Калины началась «боевая страда». Участвуя в самых серьёзных операциях транспортной авиации, он

совершил десятки ночных вылетов в глубокий тыл противника, сбрасывая грузы, листовки, иногда успевая в течение ночи побывать над 10—12 населёнными пунктами. В Н-ской авиачасти он стал считаться лучшим пилотом-ночником. Для него как бы не существовало неблагоприятных метеорологических условий; он готов был вылететь в любое время суток, в любую погоду, по любой трассе.

Как правило, Калина всегда одним из первых добивался блестящего освоения лётной работы в новых, зачастую крайне сложных, условиях. Зимой 1941 года перед авиачастью высшим командованием была поставлена задача по осуществлению одной очень крупной операции, которая должна была быть проведена в течение нескольких ночей. В мирное время ночные полёты на транспортных самолётах производились лишь наиболее опытными пилотами, при совершенно идеальных условиях — хорошей погоде — и по трассам, оборудованным светомаяками, радиопеленгаторами, освещёнными аэродромами. Обстановка потребовала от лётчиков немедленного освоения ночного вождения самолётов в очень тяжёлых метеорологических условиях.

После короткой тренировки Калина вылетел. Стояла глухая зимняя ночь. На полях, покрытых сплошной пеленой снега, смутно

темнели пятна лесных массивов. Почти сразу же пришлось лететь над совершенно незнакомой территорией, занятой врагом. Пилот отлично сознавал, какая огромная ответственность ложилась на него. Но, несмотря на всю сложность обстановки, Калина успешно выполнил задачу. А уже в последующие ночи он стал регулярно делать не менее четырёх вылетов...

Высокое лётное мастерство, которым в совершенстве овладел он, давало ему возможность выполнять исключительно трудные и серьёзные задания.

В один из февральских дней Калина был вызван в штаб. Подполковник Бухаров показал ему на карте обведённый красным карандашом населённый пункт, который находился в глубине «партизанского края».

— Здесь, — сказал он, — партизаны отбили у немцев шестиствольный миномёт. Мы получили задание вывезти миномёт. Я хочу поручить выполнение этого задания вам. Как вы на это смотрите?

— Очень просто, товарищ подполковник. Задание будет выполнено, — ответил Калина.

В тот же вечер Александр Данилович полетел в «партизанский край». По этой трассе он летал уже много раз; ему был хорошо зна-

ком трёхсоткилометровый путь, проходивший над заснеженными полями, болотами, сплошными лесами. Ни он, ни другие пилоты, летая к партизанам, не делали посадок: грузы они сбрасывали с самолётов. Калина знал, что в предыдущую ночь один лётчик пытался было взять миномёт, но эта попытка едва не стоила потери машины: он с огромным трудом едва мог подняться с площадки с пустым самолётом. А ведь Калине предстояло не только совершить посадку, но и вывезти груз весом, по меньшей мере, в одну тонну.

Ночь была тёмная. Рыхлые белесые облака сплошь закрывали небо. Падал хлопьями снег...

Благополучно миновав фронт, Александр Данилович вывел самолёт к небольшой деревеньке. Старт ему был выложен на той поляне, над которой он обычно сбрасывал груз.

Вдруг за лесом начал строчить вражеский пулемёт. Трассирующие пули огненной дугой пролегли по небу. «Заметили, гады», — подумал Калина, ведя на посадку свою машину. Не выключая моторов, Александр Данилович вышел из самолёта. Мощная струя ветра, подхватив его, сбила с ног. Он поднялся. С трудом вытаскивая ноги из глубокого снега, Калина выбрался к дороге; навстречу ему бежали, размахивая шапками, несколько

человек. «Как же мы взлетим?» — спросил он себя. Кругом был лес. Конечно, нечего и думать подняться с грузом.

— Данилыч, — услышал он позади себя тревожный голос Куликова. — А ведь неважное дело... На таком пятачке не разгуляешься...

Калина ничего не ответил.

К нему подошли партизаны. Командир отряда, маленький, коренастый человек с забинтованным лицом, пожимая пилоту руку, сказал хриплым, простуженным голосом:

— Поторапливайтесь, товарищ! Немцы в четырёх километрах. Неровен час...

И, как бы в подтверждение его слов, где-то совсем близко гулко и трескуче разорвалась мина. Яркая вспышка на короткое мгновение осветила верхушки деревьев. Многоголосое эхо, грохоча, прокатилось по лесу.

Калина, закуривая папиросу, ещё раз окинул взглядом поляну: «Да, чорт побери, положение серьёзное...»

— Ну, а как миномёт? Грузить прикажете? — спросил кто-то из партизан.

— Давайте, грузите, — кивнул он головой, а сам зашагал вдоль дороги, которая исчезала в просеке. Александра Даниловича осенила мысль: «А что, если попробовать подняться по дороге?» Он промерил шагами ширину

просеки. Самолёт только-только проходил. Правда, это был риск, отчаянно дерзкий риск.

Но так или иначе, а решение им было принято бесповоротно.

Немцы нащупывали поляну. Мины рвались всё ближе. Партизаны, запорошённые с ног до головы снегом, торопясь, подавали в дверь кабины части миномёта.

Вокруг них бушевала пурга, поднятая работающими пропеллерами.

К самолёту под'ехали три подводы. В санях лежали люди, закутанные в тулупы. Кто-то из них глухо стонал.

— А это что? — спросил Калина.

— Товарищ лётчик, — голос у командира партизанского отряда дрогнул, — у нас несколько человек тяжело раненных. Им необходима срочная медицинская помощь. Очень просим... Если возможно, возьмите...

— Хорошо. Заберу. Только не более восьми человек, — ответил Калина.

И вот Александр Данилович за штурвалом. Впереди чёрным провалом зияла просека. Он чувствовал, с каким напряжением и тревогой смотрели на него Куликов и Перелыгин. Они как бы спрашивали его, сумеет ли он оторвать машину от земли, не ждёт ли их через несколько минут катастрофа. Ведь самолёт имел полную нагрузку.

Калине почему-то вспомнился кадр из фильма «Чкалов», в котором лётчик с исключительным мастерством провёл машину под арками моста... По его губам скользнула улыбка. «Только бы не застрять в просеке!» — подумал он.

Кивнув головой своим товарищам, он почти с места дал полный газ. Калина направил самолёт прямо в просеку. Навстречу, с обеих сторон, стремительно мчалась опушка леса. Но вот она почти сомкнулась; остался лишь узкий коридор, точно прорубленный в гранитной скале.

Прошла секунда, другая, третья...

Самолёт, набирая скорость, всё быстрее и быстрее нёсся вперёд. Его могучие крылья, казалось, вот-вот заденут за деревья, отягощённые пушистым инеем.

Руки Калины как бы застыли, вмёрзли в штурвал. Ведь малейшая неточность в управлении, малейшая ошибка в глазомере — и... Но этого не случилось. Самолёт плавно пошёл в воздух. Тёмная громада леса стала медленно опускаться.

Вздох облегчения, радости вырвался из груди каждого члена экипажа.

Находчивость и редкостное самообладание никогда, даже в самые трудные, критические мгновения, не покидают Александра Калину.

Как-то в звонкую морозную ночь, поднимаясь с аэродрома на предельно нагружённом самолёте, он вдруг почувствовал, что левый мотор сдаёт. Пропеллер начал всё реже описывать круги вокруг своей оси; вот уже совершенно отчётливо стали видны его металлические лопасти. Скорость машины сразу упала до ста двадцати километров. Самолёт, развёртываясь влево, круто пошёл вниз, на черневший в метрах тридцати сосновый бор.

Каждый пилот прекрасно знает, что это значит, когда на взлёте сдаёт мотор. Обычно в таких случаях самолёт камнем летит к земле.

Холодная испарина выступила на лбу у Калины. Нет, он не хотел так нелепо, глупо и бессмысленно кончать свою жизнь!

— Выбросить груз! — приказал он.

Экипаж понял мысль своего командира. Бортмеханик широко распахнул люк; вниз один за другим полетели тюки.

Калина призвал на помощь всё своё мастерство, всё своё отличное знание машины. Трудно сказать, в силу какого физического закона самолёт, не имея ни запаса высоты, ни скорости, лишь при одном работающем моторе продолжал держаться в воздухе. И даже более того: Калина не терял управления. Он продолжал владеть машиной, как виртуоз-скрипач

своим смычком. С каждым выброшенным тюком самолёт становился всё более лёгким, более послушным в его руках.

Но опасность была ещё очень велика.

Самолёт плыл почти над самым лесом. Левое обвисшее крыло его едва не задевало за верхушки сосен. Мотор натуженно выл.

А до аэродрома оставалось совсем немного, может быть, сотня-другая метров.

— Иду на посадку! — крикнул пилот.

Бортмеханик едва только успел выпустить шасси, как они коснулись земли.

— Ну, Саша, — поздравляли Калину товарищи, — нынешний день ты вполне можешь считать днём своего второго рождения...

Пятая награда

Самолёт из Москвы ожидали к двадцати часам. Солнце стояло на закате. Косые лучи его освещали просторное поле аэродрома, густо заросшее клевером. В берёзовой роще кое-где уже золотились ветви, тронутые ранним осенним убором.

Командир эскадрильи с нетерпением поглядывал в чистое бледноголубое небо.

Сегодняшний день для эскадрильи подполковника Бухарова был знаменательным: шесть лучших пилотов получали в Кремле ордена.

В их числе был и капитан Калина. Теперь на его груди будет четыре боевых ордена и медаль «За отвагу». Этими высокими правительственными наградами были отмечены его операции, блестяще проведённые во время Отечественной войны.

Командир с гордостью думал об отважном, бесстрашном пилоте-москвиче, подлинном сыне Ленинского комсомола, в рядах которого он состоял тринадцать лет.

Самолёт опустился на аэродроме точно в назначенное время.

Группа прилетевших на нём пилотов, человек пятнадцать, все как на-подбор широкоплечие, здоровые крепыши с бронзовыми от загара лицами, звонко чеканя шаг, шли по широкой взлётной дорожке, вымощенной большими цементными плитами. У каждого из них на груди поблескивал свежей эмалью новенький орден.

Командир пошёл к ним навстречу. Он горячо и сердечно поздравил пилотов с правительственной наградой.

Калина вернулся из Москвы не с пустыми руками. Он нёс об'ёмистую пачку книг.

— Лескова купил,—сказал он командиру.— Давно я за ним охотился.

В штабе, убирая свою покупку в стол, Але-

ксандр Данилович спросил, какое у них на сегодня задание.

— Что и вчера. Летим в тыл к противнику... — ответил командир.

— На «выброс»?

— Да. В пункте Н.

— А что, если сегодня мне «провезти» Некрылова?.. — после короткого раздумья сказал Калина. — Парнишка, можно сказать, вполне «созрел» для самостоятельной работы. Как, а?

— Что ж, я не возражаю, — согласился командир.

— Есть! Значит, летим! — оживлённо воскликнул Александр Данилович, потирая руки.

...Осветительная ракета вспыхнула впереди самолёта. Кабину управления залило ярким, ослепительным светом. Некрылов, совсем ещё юный пилот, с нежным пушком на подбородке, вздрогнул, невольно отпрянул назад.

Калина внимательно следил за каждым его движением.

— Больше спокойствия. Выдержки. Никакой паники, — тихо, но твёрдо и внушительно проговорил он. — Давай левее, обходи огневую точку. Так, так... Хорошо. Так...

Зенитки продолжали стрелять с прежним ожесточением. По обеим сторонам самолёта

рвались снаряды. Мелкие белесые клубочки дыма густо затягивали синее звёздное небо.

Некрылов скоро овладел собой. Насупившись, стиснув зубы так, что на его скулах выступили желваки, он уверенно вёл машину. Обойдя зенитную батарею, расположенную на опушке леса, он бреющим полётом, на высоте каких-нибудь пятнадцати — двадцати метров, пронёсся над головами фашистов. Смертоносное кольцо зенитного огня было прорвано.

В глазах Александра Даниловича вспыхнули весёлые искорки. Ему было радостно видеть в этом совсем ещё молодом пилоте какую-то долю своего мастерства, своей ухватки. За время работы капитана Калины заместителем командира эскадрильи по лётной части Некрылов был у него уже двадцать третьим учеником. И вот в сегодняшнем боевом полёте он над линией фронта, под огнём вражеских зениток принимал у него «зачёты» на умение владеть машиной, на мужество, находчивость...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОИК-43735

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	1
Накануне операции	3
Пример командира	7
Комсомольская закалка	19
Высокое мастерство	24
Пятая награда	33

Отв. редактор Д. Михайлова.

Л250358. Подп. к печ. 4/VII 1943 г. Об'ём 1¼ п. л. Уч.-изд. л. 1,2. В 1 п. л. 40,6 т. зн. Тираж 15 000 экз. Заказ № 112.

2-я тип. изд-ва «Московский большевик», Москва, Петровка, 17.

Цена 30 коп.

11744